

Аромат благовоний в повозке стал немного гуще.

Чэн Юнь мельком взглянул на сладко спящего Чэн Си и наложил на него заклинание сна — на всякий случай, чтобы тот не вздумал притворяться. Сидевший напротив старейшина выглядел крайне озабоченным.

— Второй молодой господин, — негромко заговорил старейшина Цюй, — вы ведь знаете, как Бессмертный Владыка Подвешенных Звёзд оберегает своих людей. Если мы сейчас поступим так, то настроим всю Обитель Облачного Слияния против Тройных Небес. Нашей секте это не принесёт ничего хорошего.

— А нам-то что с того? — хрипло отозвался Чэн Юнь, пригубив остывший чай. — Не мы ведь проливали кровь. У каждого долга есть свой хозяин, вот пусть виновный и отвечает. Достаточно выдать им истинного убийцу. Вся эта громоздкая, неповоротливая махина нашей Обители давно изжила себя. Пора менять устои, а эти замшелые, полусгнившие правила — сжечь дотла и развеять по ветру!

— Но ведь Великая госпожа... Она ведь...

— Апчхи!

Старейшина испуганно замолчал и перевёл взгляд на Чэн Си. Чэн Юнь тоже уставился на младшего брата. Тот по-прежнему лежал на мягкой кушетке с самым умиротворённым и даже невинным видом. Если бы не этот предательский чих, он, без сомнения, продолжал бы изображать спящего.

Пальцы Чэн Юня сильнее сжали чашку. Голос его прозвучал зловеще:

— Чэн Си.

Младший не шевельнулся.

— Если продолжишь притворяться трупом, я вышвырну тебя из повозки прямо на ходу.

Чэн Си мгновенно сел и торопливо приоткрыл оконную занавеску. Попутно он снова тихонько чихнул. Очевидно, не будь благовония в повозке столь удушливыми, он бы продержался куда дольше.

— Старейшина Цюй, моё почтение! — Чэн Си приветливо улыбнулся и сложил ладони в вежливом жесте, едва воздух в повозке немного очистился. — Вы всегда казались таким преданным делу, я-то думал, вы из нейтральных. Кто бы мог подумать, что вы заодно со вторым братом.

Старейшина Цюй лишь растерянно замер, не зная, что ответить.

— И много ты успел услышать? — ледяным тоном спросил Чэн Юнь.

Лицо Чэн Си выражало абсолютное олимпийское спокойствие — в лучших традициях правила «стыдно тому, кто стыдится».

— Да я вообще не спал, — протянул он. — Просто когда сел в повозку, мне было лень с тобой разговаривать.

Чэн Юнь промолчал, сверля его злым взглядом.

Старейшина Цюй тоже не нашёл слов.

Чэн Си невозмутимо пододвинулся ближе, налил себе чаю и, обхватив чашку ладонями, наставительно произнёс:

— Второй брат, ну как можно быть таким неосторожным? В следующий раз, когда соберёшься замышлять злодеяния, отойди хотя бы подальше от того, против кого их замышляешь. Я ведь сейчас лежал и думал: проснусь — неловко, буду дальше лежать — тоже нехорошо. Чистое мучение!

— Что ж, приношу свои глубочайшие извинения, — язвительно процедил Чэн Юнь.

— Ничего, главное, чтобы ты это понимал, — великодушно согласился Чэн Си.

Чэн Юнь едва не задохнулся от такой наглости.

Юноша тем временем повернулся к старейшине, который уже не знал, куда деться от смущения, и мягко, почти по-доброму улыбнулся ему:

— Старейшина Цюй, если вы считаете меня недотёпой, можете так прямо и сказать, я ведь не кусаюсь. Я с детства слаб здоровьем, чист душой и по-детски наивен, так что ума мне и впрямь недостаёт. Придётся брать пример со второго брата.

— Тоже мне, чистая душа, — фыркнул Чэн Юнь.

Старейшина Цюй переводил взгляд с одного брата на другого, не в силах решить, кто из этих двоих превзошёл соперника в бесстыдстве.

В конце концов старик не выдержал этого безмолвного противостояния. Пробормотав какой-то

невнятный предлог, он поспешно ретировался наружу. Как только за ним закрылась дверь, атмосфера в повозке мгновенно сделалась ледяной и натянутой, точно струна.

Чэн Юнь молча наливал чай, Чэн Си столь же молча его пил. Они сидели друг напротив друга, и в глазах каждого читалось лишь глубокое, искреннее отвращение. Цанчжоу лежал далеко от Линчжоу; даже на синепёрых луанях лететь предстояло не меньше суток. При одной мысли о том, что придётся провести целый день наедине с этим несносным шутком, у Чэн Юня начинали чесаться кулаки. В его душе то разгоралось, то угасало неистовое желание придушить мерзавца прямо здесь, но наказ отца заставил его подавить гнев.

Чэн Си небрежно откусил кусочек изысканного пирожного и отложил его в сторону.

«Совсем избаловали, — подумал Чэн Си, — только и умею, что переводить продукты».

Чэн Си сделал глоток и вскользь похвалил качество чайного листа.

«В следующий раз заварю ему самую дешёвую труху, — подумал Чэн Си, — а лучше вообще подсыплю яду».

Чэн Си принялся не спеша оглядываться по сторонам, пока его взгляд наконец не зацепился за тонкий шрам на шее брата. Чэн Юню это пристальное внимание показалось невыносимо омерзительным.

— Чего уставился? — огрызнулся он. — Ещё раз так посмотришь — глаза выколю.

— Зачем же так грубо? Если ты это сделаешь, матушка в ответ выколет твои собственные, — кротко отозвался Чэн Си, склонив голову набок с самым невинным видом.

Чэн Юнь стиснул зубы. Проведя столько времени вдали от дома, этот негодяй явно набрался ума и теперь так и сыпал язвительными колкостями, мастерски действуя на нервы.

В памяти прежнего Чэн Си образ Чэн Юня остался смутным, но глубоко отвратительным — воспоминания о нём вызывали лишь брезгливость, как при встрече с какой-то грязной тварью.

История их вражды уходила корнями в прошлое. Великая госпожа Обители Облачного Слияния происходила из знатного древнего рода и была дочерью главы скрытого от мира ордена. Красотой и силой совершенствования она превосходила всех современниц. Тридцать лет назад этот брак по расчёту связал её с нынешним главой Обители. Супруги долгие годы поддерживали друг друга, и через пять лет у них родился первенец, Чэн Си. Но затем их отец попал в беду во время странствий, где и повстречал будущую мать Чэн Юня — нежную, кроткую, точно хрупкий цветок, девуцу.

И вспыхнула безумная страсть. Прежний глава Обители тогда изорвал десяток плетей, но так и

не смог сдержать себя. Он упрямо ввёл возлюбленную в дом на правах наложницы, а через несколько лет у них родился Чэн Юнь.

Поскольку этот союз держался исключительно на выгоде, супруги давно охладели друг к другу, сохраняя видимость семейного счастья лишь ради приличия. Всё изменилось, когда спустя два года на свет должен был появиться Чэн Си. В то время в Лесу Десяти Тысяч Зверей начались беспорядки. Великая госпожа отправилась на усмирение тварей, из-за чего повредила плод, и у неё начались преждевременные роды. А накануне коварная наложница заявила, будто её собственный ребёнок лежит неправильно, и забрала к себе абсолютно всех лекарей Обители.

Банальные козни в духе гаремных интриг едва не стоили жизни Великой госпоже и её нерождённому сыну. К счастью, в ту ночь мимо проезжал её старший соученик, который сумел разыскать повитуху в ближайших краях. Чэн Си всё же родился, но из-за тяжёлых родов его здоровье оказалось навсегда подорвано: лекари пророчили, что мальчик едва ли доживёт до восемнадцати лет.

Два дня спустя у наложницы случился выкидыш, после которого она лишилась возможности иметь детей. Забрав маленького Чэн Юня, она укрылась в самом дальнем, уединённом уголке Обители и не смела показываться на глаза без особого позволения.

Однако отец Чэн Юня по-прежнему без памяти любил её. Великий глава секты бросил роскошные покои и переехал к ней в скромный флигель.

С тех пор законные супруги больше никогда не виделись.

В глазах прежнего Чэн Си именно отец был виновником всех несчастий и вечной печали матушки. Не будь в их жизни лицемерной наложницы и её отродья, Чэн Юня, семья жила бы в мире и согласии.

Именно поэтому он изводил единокровного брата при каждом удобном случае. Чэн Си рассуждал просто: если плохо мне, пусть страдает весь мир, и в первую очередь — этот ублюдок.

То, что Чэн Юнь вообще дожил до своих лет при таком отношении, можно было назвать чудом.

Этот узел обид завязался слишком туго ещё в прошлом поколении. Чэн Си не раз размышлял, как распутать этот клубок. Но путей было всего два: либо все чудесным образом простят друг друга, что возможно разве что в красивой сказке, либо отправятся на тот свет, унеся вековую вражду в могилу.

Впрочем, суровый нрав Великой госпожи служил отличной уздой для Чэн Юня. Жизнь того до сих пор висела на волоске и обрывалась бы при первом же удобном случае, не защищай его любящий отец. Сам же глава секты, хоть и пренебрегал законной женой, в младшем сыне Чэн Си души не чаял и прощал ему любые безумства.

Поэтому, как бы Чэн Юнь ни ненавидел младшего брата, ему приходилось терпеть. Строить козни исподтишка — пожалуйста, но посягнуть на жизнь Чэн Си он не смел.

Пока Чэн Си безнаказанно творил что вздумается, Чэн Юнь старался просто держаться от него подальше по принципу «с глаз долой — из сердца вон».

Но сейчас этот номер бы не прошёл: Чэн Си сидел прямо перед ним с самым обезоруживающим и жизнерадостным лицом.

— Второй брат, а ты съел арбуз, который я тебе прислал?

Чэн Юня передёрнуло от отвращения.

— Кто тебе брат? Выбросил я его. Стану я ещё есть то, что ты присылаешь!

— Ладно, — миролюбиво согласился Чэн Си. — Тогда скажи, молодой господин Чэн, у Дахуана в моём дворе шёрстка мягкая?

Чэн Юнь нахмурился, вспоминая, как пробрался той ночью в чужую обитель, чтобы устроить каверзу, и в итоге битый час тискал кота. Тот наглый комок шерсти сам к нему привязался! Надо же, этот паршивец помнит каждую мелочь. Настоящий злопамятный гад.

— Мягкая, — огрызнулся Чэн Юнь. — И что с того? Подумаешь, погладил.

Видя, как единокровный брат закипает от злости, Чэн Си улыбнулся ещё шире. Всё-таки в Академии Духовной Горы было слишком тесно — там на каждом шагу попадались важные сюжетные персонажи, готовые уничтожить любого на своём пути. Здесь, на воле, дышалось куда легче. Все они тут — обычные второстепенные смертники, и можно не бояться, что неосторожный шаг приведёт к немедленной гибели от рук главного героя.

В конце концов, в сюжете Обители Облачного Слияния главным злодеем был он сам!

От этой мысли на душе у Чэн Си стало на редкость тепло и спокойно.

Наблюдая за его довольной ухмылкой, Чэн Юнь невольно заподозрил неладное. Уж не заманил ли его этот гад в ловушку? Или подсыпал в чай какой-нибудь медленно действующий яд?

Тем временем Чэн Си с на удивление серьёзным лицом подался вперёд:

— Второй брат, я ценю твою целеустремлённость. Идея разрушить всё до основания, чтобы построить заново, весьма недурна. Но если устраиваешь семейные разборки, держись-ка лучше

подальше от Жун Ина.

— Ты мне угрожаешь? — лицо Чэн Юня потемнело от ярости. Он вновь процедил сквозь зубы:
— И я просил не называть меня вторым братом.

— Хорошо, второй брат, — кротко отозвался Чэн Си.

Чэн Юнь онемел от ярости.

— Жун Ин — не тот, с кем тебе стоит враждовать, — продолжил Чэн Си с самым искренним дружелюбием. — Мелкая пакость принесёт тебе лишь минутную радость, а вот расплачиваться придётся всей нашей Обители Облачного Слияния. Конечно, наша секта погрязла в грехах, и стереть её с лица земли было бы благом, но там всё же есть невинные люди, заслуживающие шанса на искупление. Да и ты наверняка не хочешь, чтобы твоя матушка погибла вместе со всеми?

Чэн Си говорил абсолютно искренне, желая предостеречь глупца. Однако в ушах Чэн Юня эти слова прозвучали как неприкрытая угроза: «Посмеешь тронуть Жун Ина — я сотру в порошок тебя и всех твоих сторонников. И не забудь, что твоя мать всё ещё в моих руках».

Лицо Чэн Юня стало чернее тучи. В его голове промелькнула безумная мысль: раз его замыслы раскрыты, не лучше ли прикончить негодяя прямо здесь, забрать мать и бежать?

Но, трезво оценив свои силы и ресурсы, он понял, что это верная смерть.

Он сжал чашку с такой силой, что на тонком фарфоре проступила сетка трещин. Чэн Юнь глухо возненавидел собственное бессилие.

Чэн Си подпёр подбородок рукой. В его чертах, так сильно напоминавших Великую госпожу, не осталось и следа прежней ледяной злобы — лишь весёлое, беззаботное любопытство.

— Слушай, а почему ты не избавишься от этого шрама на шее?

— На память оставил, — буркнул Чэн Юнь, опустив взгляд.

Он не стал договаривать: шрам служил ему вечным напоминанием о детстве, когда он был беспомощным, словно предназначенный на убой цыплёнок.

— Сведи его, — посоветовал Чэн Си. — Выглядит не очень.

Чэн Юнь решительно не поспевал за ходом мыслей этого ненормального. Натянув ворот

повыше, чтобы скрыть шрам от чужих глаз, он отрезал:

— Моя шея, что хочу, то и делаю.

— Ненавидишь меня до глубины души, верно? — вкрадчиво спросил Чэн Си. — Наверное, спишь и видишь, как однажды обретёшь силу и вернёшь мне этот должок с лихвой?

Чэн Юнь промолчал, но его напряжённая поза выдала его с головой. Чэн Си попал в самую точку.

— Ну, вообще-то мне всё равно, — вздохнул Чэн Си. — Если так хочется, можешь вернуть удар. Но только не сейчас, придётся немного подождать.

Младший брат утаил вторую половину мысли: на них всё ещё лежало Заклинание Единого Сердца, а кое-кто очень уж не любил физическую боль.

«Получить удар клинком по горлу — это, должно быть, жутко больно, — сочувственно подумал Чэн Си. — Травма на всю жизнь».

Он посмотрел на Чэн Юня с мягким сожалением.

Семейка у них, конечно, та ещё — сплошь безумцы. Чэн Юня с малых лет травили и унижали. Удивительно, как он умудрился сохранить рассудок и не превратиться в законченного психопата.

«Пусть это творил не я, но раз уж я занял это тело, то и разгребать последствия мне», — решил Чэн Си.

Он дружески похлопал брата по плечу и проникновенно произнёс:

— Второй брат, не бойся меня. Я теперь совсем другой человек. За время учёбы в Академии я полностью перековался и встал на путь исправления.

— Я теперь хороший.

Чэн Юнь опустил взгляд на чужую руку, бесцеремонно лежавшую на его плече, и шумно выдохнул сквозь зубы:

— Фэн Ци!

В то же мгновение в окно повозки бесшумно скользнула тёмная тень, принеся с собой ледяное

дыхание заоблачной высоты.

Чэн Юнь указал дрожащим от ярости пальцем на улыбающегося Чэн Си и закричал:

— Вышвырни этого идиота вон! Немедленно!

<http://bllate.org/book/18408/1799604>